Элла Ю. Россман
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Женщины и женское в эстетике Третьего рейха: анализ подборки журналов NS-Frauen-Warte за 1941 год

Проанализированы визуальные образы в подборке немецких национал-социалистических женских журналов NS-Frauen-Warte (10 номеров за 1941 год). Центральный вопрос данного исследования — была ли сформирована в этих пропагандистских материалах, чья целевая аудитория — немецкие женщины среднего и высшего среднего класса, некая «эстетика феминного», которая на уровне изображения транслировала бы новые ценности режима и особенности гендерной политики в Третьем рейхе.

На основе анализа визуальных образов, а также дополнительных текстовых и визуальных источников автор делает вывод, что особенностью «эстетики феминного» в нацистском официальном дискурсе является ее изначальный андроцентризм. В основе изображения женского тела, которое ассоциируется у идеологов режима с приватной сферой (образом дома, «семейного очага»), лежит образ мужчины-солдата. Подобная подмена неочевидна, когда мы рассматриваем только иконографию изображения женщины, но она вскрывается, если обратиться к особенностям внутренней организации образов мужчин и женщин в журнале. Привлекая дополнительные материалы, можно предположить, что андроцентризм — черта и других пропагандистских материалов Третьего рейха.

Андроцентризм немецкой пропаганды обнажает одну из важных черт семейной политики и официального дискурса национал-социалистов: несмотря на попытки популяризировать концепцию разделения полов и «природного» различия ролей мужчин и женщин в обществе, в пропаганде не создается никакой специальной «женской» эстетики или эстетики «приватной сферы». Скорее эта сфера оказывается в тени идеи о мужском, милитаризированном героическом теле как главном элементе всей идеологической системы, основном акторе общественной жизни и главном герое немецкой истории.

Ключевые слова: германский фашизм, национал-социализм, Третий рейх, женские журналы, репрезентации женщин, визуальная пропаганда

Россман Элла Юрьевна — НИУ ВШЭ, Школа исторических наук, магистратура «Историческое знание», Москва. E-mail: eyurossman@gmail.com
Ella Yu. Rossman — National Research University «Higher School of Economics», School of History, MA (in progress), Moscow. E-mail: eyurossman@gmail.com

Sociology of Power
Vol. 30
№ 1 (2018)

Ella Yu. Rossman, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Women and The Feminine in Third Reich Aesthetics: Analysis of NS-Frauen-Warte Magazines Selection for 1941

In this article I analyze visual images in a set of German National Socialist women's magazines NS-Frauen-Warte (10 issues for 1941). The central question of my research was whether the propaganda materials, whose target audience was German women, had a special "feminine aesthetics", which at the level of the image would transmit the gender policy in the Third Reich. Based on the analysis of images and additional sources, I assume that the peculiarity of the "feminine aesthetics" in the Nazi official discourse is its original androcentrism. At the heart of the image of a "female", which is associated with the "private" spaces, lies the image of a soldier. That is not obvious when we consider the iconography of the images of women, but reveals, if we look at the peculiarities of the internal organization of images of men and women.

Androcentrism of German propaganda reveals the main features of the family policy and official discourse of the National Socialists, within which no special "female aesthetics" or aesthetics of the private sphere was formulated. Rather, this sphere appears in the shadow of the idea of a male, militarized heroic body as the main element of the entire ideological system.

Keywords: National Socialism, the Third Reich, women's magazines, women's representations, visual propaganda

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-125-143

Введение

Положение и особенности репрезентации женщин и «женского» в нацистской Германии активно исследуют как в самой Германии, так и за ее пределами с 1970-х годов. Тема стала предметом множества текстов и обсуждений в академической среде, поэтому сегодня можно говорить о формировании отдельного академического субполя исследований по женской и гендерной истории Третьего рейха.

Существуют тексты, в которых описывается и конструируется это субполе, приводится подробная историография вопроса, например статья Клаудии Кунц [Koonz, 2008] «Второстепенное и мейнстримное: гендер, публичная память и историография нацистской Германии». Стоит отметить, что субполе гендерных исследований нацистской Германии практически неизвестно в России: не переведены основополагающие тексты, в тени остаются ведущие исследователи и исследовательницы.

На мой взгляд, это остается большим упущением не только для исторической науки в России, так как именно при исследовании

нацистского общества сформулированы многие важные концепты и подходы гендерной истории и гендерных исследований в целом. Например, на немецком материале активно разрабатывался вопрос об иерархиях внутри угнетаемой социальной группы (в данном случае группы женщин), о разных видах «угнетения угнетаемыми», важная тема для такого направления гендерных исследований, как теория интерсекциональности. Также данный материал стал показательным для исследования, какие формы может принимать буржуазная семейная доктрина конца XIX в. и идея «разделенных сфер» в период модернити. Применялись многие новаторские способы исследования исторических источников, например, элементы постмодернистских и постструктуралистских методов анализа [Koonz, 2008, p. 72].

В данной статье сделана попытка, если не заполнить существующую лакуну[1] (для этого, конечно, одной статьи мало), то хотя бы обратить внимание на эту область.

Методология исследования

Рассмотрены 10 номеров журнала NS-Frauen-Warte за 1941 г. Выбран именно этот исторический период, так как в то время идеология национал-социализма проявила себя особенно ярко: немецкие армии одержали ряд важных побед, крупных поражений на Восточном фронте еще не случилось, режим имел массу планов и надежд на будущее. В первую очередь я концентрировалась на визуальном наполнении каждого номера, образах, формирующих эстетику издания.

Важно было понять, можно ли на визуальном уровне выделить особую эстетику феминного, которую формировал этот женский журнал. Она важна в том числе и потому, что может иметь эмансипаторное значение. Опыт феминистского искусства 1970-х годов в США показывает, что создание особой «женской эстетики» способно сопровождать формирование политического субъекта женского движения. Другой вопрос, — если эта эстетика спускается сверху, предлагается женщине со стороны привилегированной группы, если она становится еще одним механизмом, утверждающим идею «разделенных сфер», в которой женщинам и мужчинам отводятся разные области жизни, и эти области описываются в том числе в разных эстетических категориях.

1 Тут необходимо отметить работы исследователя А.М. Ермакова [2001; 2002]. одного из немногих русскоязычных авторов, который сделал ряд шагов в этом направлении

Важно также отметить статус женских журналов в жизни Третьего рейха и жизни любого сообщества вообще: Подобные медиа являются элементами политической жизни, так как (пусть и зачастую в подчеркнуто деполитизированном ключе) поднимают на своих страницах различные вопросы социальной политики: проблемы семьи, положения женщин, материнства, участия женщин в политике и др. Тут я обращаюсь к опыту феминистской критики и ссылаюсь на известный тезис второй волны феминизма: «личное — это политическое» [Hanish, 1969].

Конечно, в различных обществах политический аспект в женских журналах представлен по-разному. В данной работе речь идет о тоталитарном обществе, руководство которого имело претензию на максимальный биополитический контроль и использовало медиа для продвижения своих позиций, в частности, как в случае с женскими журналами, для популяризации государственной идеологии в области семейной политики.

Образы журналов рассмотрены на трех уровнях: на уровне идентичностей, которые они отображают и конструируют, на уровне иконографии и уровне композиционной организации образа. Термин «иконография» я использую в том же значении, в котором его использует Барт в эссе «Актер на портретах Акура» [Барт, 2000, с. 69–72], описывая постоянные атрибуты, сопровождающие фотографические изображения актеров-мужчин в одной парижской фотостудии. Барт выделяет особую иконографию Акура, включающую ограниченный круг предметов, а также описывает специфику этой иконографии и интерпретирует ее.

Характеристика изображения дополнена еще одним уровнем анализа. Для этого рассмотрен визуальный образ как трехчастная структура, включающая в себя три онтологических измерения или слоя образности: слой физической вещи (журнал как материальный объект), слой изобразительной поверхности и слой внутренней среды или внутренней реальности образа [Инишев, 2012, с. 198]. «Иконография» Барта касается исключительно анализа внутренней среды образа, реальности, распознаваемой при взгляде на картинку. Эта реальность онтологически не имеет ничего общего с объектом, к которому отсылает изображение. В данной работе я исследую не только то, что изображено на тех или иных картинках из журналов, а также обращаю внимание на организацию слоя изобразительной поверхности, пятен и линий, формирующих изображение, распознаваемое нами в качестве объекта, а также на напряжение, возникающее между особенностями двух уровней образности.

Итак, я подхожу к образу женщины в журнале, пытаясь, с одной стороны, вычленить, какая атрибутика (или «иконография») ис-

пользовалась для оформления этого образа, а с другой, применяя анализ, который можно было бы назвать искусствоведческим, выясняю, существовала ли общая стилистика при изображении женщины в предназначенном для нее СМИ. Она могла бы проявляться в организации иконической плоскости образа, то есть на уровне соотношения частей одного изображения, например, на уровне особенностей пропорций фигуры.

Структура и особенности журнала

NS-Frauen-Warte учрежден официальной Национал-социалистической женской организацией (Nationalsozialistische Frauenschaft) в 1934 г. и выходил каждые две недели вплоть до 1945 г. К 1939 г. тираж издания достиг 1,9 млн экземпляров[1]. Анализируемая подборка включает в себя 10 номеров за июль — декабрь 1941 г.[2] Все номера черно-белые, обложки выполнены в цвете. Чаще всего на обложках полихромная графика, реже — расцвеченные фотографии.

Татьяна Дашкова [1999] в статье «Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов», анализируя советские женские журналы, отмечает, что по своей структуре они (как и другие женские журналы) рассчитаны скорее на просматривание как на основную практику взаимодействия с материалом. Она отличается, например, от практики внимательного чтения, на которую нас настраивает роман или учебник.

Логика рубрикации NS-Frauen-Warte подсказывает, что, хотя практика прочитывания журнала могла строиться по аналогичной схеме, его создатели рассчитывали все же на несколько иной тип взаимодействия с объектом. Читательница должна сначала остановиться на идеологически нагруженной, монументальной первой статье[3], а также на нескольких идеологически важных текстах, но уже более простых для чтения и снабженных фотографическими иллюстрациями (обычно в номере таких текстов не более трех).

---

1 Данные из электронного архива Calvin College (http://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/fw.htm).

2 Источник из электронной библиотеки Гейдельбергского университета (http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/frauenwarte1941).

3 Даже заголовки первых статей чаще всего весьма монументальны и агрессивны, например, «Женщина во враждебном советском раю» (“Die Frau im lebensfeindlichen ‘Sowjetparadies’”, номер 3), «Итак, они хотят нас уничтожить» (“So wollen sie uns vernichten”; предрождественский номер 10), речь идет о «заговоре евреев» разного происхождения: русских, американских, британских, французских и др.

Первая статья никогда не включала визуальный материал и служила ориентиром в последних политических тенденциях, однадве последующих повествовали о жизни женщин в дружественных Третьему рейху обществах (например, в Японии, Италии), о быте крестьян, рабочих и других слоев населения. В конце журнала помещались легкие, развлекательные материалы, очевидно, воспринимающиеся создателями журнала в качестве второстепенных: мода, роман с продолжением «Баллада у реки» («Ballade am Strom») Ролана Бетша, рецепты, реклама. Примечательно, что вопреки продвигаемой в пропаганде идее, что дом есть место реализации талантов женщин, журнал, созданный специально для женщин, настойчиво предлагал читательницам обратить внимание на общественно-политическую повестку.

Контекст. Женщина в официальной доктрине Третьего рейха

Официальная гендерная и семейная политика Третьего рейха, а также «эстетика женского», которая сконструирована в пропагандистских материалах, отсылают к конкретной, ограниченной прослойке женщин, которые жили в это время в Германии и на захваченных территориях. Это женщины, которых идеологи национал-социализма, сторонники расовой теории и евгенических методов, называли «полноценными»: физически и психически здоровые гетеросексуальные этнические немки (или считающиеся таковыми). Женщины, не вписывавшиеся в это определение, вытеснялись из официального дискурса, либо описывались в уничижительных категориях как «враги», подлежащие физическому уничтожению и забвению [Grau, 1995].

Такую особенность национал-социалистической идеологии Гизела Бок назвала «половым антисемитизмом» [Бок, 2004; Bock, 2010]. «Вырождающиеся» женщины не рассматривались принадлежащими к «народу» (Volk), считались недостойными иметь потомство, исключались из общественной жизни[1], а позднее подверглись массовой стерилизации, заключению в концентрационные лагеря и уничтожению. Те предписания, о которых пойдет речь, а также идеал женщины и «эстетика женского», сконструированные в национал-социалистических журналах, касаются ограниченной группы женщин в немецком обществе.

1 См., например, законы от 7 и 25 апреля 1933 г., запрещающие евреям находиться на гражданской службе, учиться в университетах и др.

Хелен Боак в седьмой главе монографии «Национал-социализм и женщины из рабочего класса» пишет об огромном значении женского электората для прихода Гитлера к власти в 1933 г. При этом неверно говорить, что Гитлера поддерживали только женщины из среднего и высшего среднего классов; за НСДАП выступало также множество представительниц рабочего класса [Fisher, 1996, p. 163–164]. Однако правящая верхушка предпочитала не опираться на эту аудиторию, в приоритете были именно женщины из среднего и высшего среднего класса, и именно их запросы власти стремились удовлетворять [Rupp, 1979].

Одним из «маркеров» этой позиции, по Рупп, может служить тот факт, что власти Третьего рейха более десяти лет уклонялись от однозначного решения о всеобщей женской трудовой мобилизации, которая могла вызвать недовольство среди женщин среднего и высшего среднего класса, в основном неработающих домохозяек. Вместо этого они стремились к добровольной мобилизации женщин-волонтеров посредством пропаганды, что, однако, не давало ощутимых результатов.

Важно отметить, что классовое расслоение существовало на протяжении всей истории Третьего рейха, несмотря на заявления властей о его устранении, а также о необходимости отказа от мышления в понятиях классовой принадлежности и иных марксистских категориях.

В целом положение женщин в Третьем рейхе с учетом некоторых поправок можно описать при помощи концепции «разделенных сфер». Для подтверждения можно обратиться к речи министра пропаганды Йозефа Геббельса от 18 марта 1933 г., произнесенной по случаю открытия выставки «Женщина» в Берлине. По словам Геббельса, только мужчины могут «делать» настоящую историю, женщинам же отводится роль компаньонок (жен, матерей, сестер). Этим Геббельс объясняет, почему, согласно официальной позиции НСДАП, женщин устраняют из сферы политики и наемного труда. По Геббельсу, это устранение происходит не из-за неуважения к женщинам и их талантам, а по той причине, что национал-социалисты уважают женщин в самой высшей степени, давая им возможность проявить в полной мере свои «особые» способности, связанные с домом и приватной сферой [Goebbels, 1934]. Подтверждал такой взгляд на «женское предназначение» ряд законодательных инициатив, осуществленных в Третьем рейхе.

Речь Геббельса и иные документы подтверждают, что у национал-социалистов не было цели полностью исключить женщин из публичной сферы. Розенберг в «Мифе XX века» (1930) пишет: «Период викторианства и “романтичной девичьей жизни” закончился безвозвратно. Нынешние женщины живут жизнью всего народа.

И для них должны быть открыты все возможности для получения образования. Как и мужчины, они должны заниматься ритмикой, гимнастикой и спортом, чтобы получить физическую закалку. В нынешних социальных условиях они не должны встречать никаких препятствий в области профессиональной подготовки... При этом, однако, должна быть ясность по такому вопросу, что только мужчины должны быть и остаются судьями, солдатами и правителями государства» [Розенберг, 1998].

Еще более радикальна статья Геббельса для газеты Völkischer Beobachter («Народный наблюдатель») от 27 января 1934 г., название которой можно перевести как «Больше морали, меньше морализма!». В ней министр пропаганды обличает ханжество некоторых современных ему деятелей (конкретные имена не упоминаются) и предлагает более эмансипированный, чем у оппонентов, взгляд на женщину, на то, что позволительно или непозволительно ей в повседневной жизни. Однако речь идет не о принципиальных моментах, вроде участия в принятии политических решений, а о возможности коротко стричься, носить открытую одежду и курить [Goebbels, 1939]. Имеет смысл определить позицию Геббельса в этом тексте как «псевдоэмансипационную» с намеренным акцентированием внешних, малозначительных деталей в ущерб дискуссии о более принципиальных вопросах.

Практики исключения определенных групп женщин в журнале

Анализируя журнал NS-Frauen-Warte, я пыталась понять механизмы исключения разных групп немецких женщин из репрезентаций на визуальном и текстовом уровнях. Во-первых, речь идет об исключении женщин неарийского происхождения, в том числе через изображение: в журналах мы видим почти исключительно героинь со схожими чертами лица, соответствующими идеалу официальной идеологии. Канонический пример такого идеала можно найти на обложке номера 3, где помещен рисунок с двумя молодыми белокурыми женщинами. Казалось бы, изображение более чем двух женщин на рисунке может быть шагом в сторону репрезентации различия, а значит, и некоторого разнообразия идентичностей. Однако нельзя не отметить, что эти женщины практически одинаковы, это «близнецы», отражения друг друга. У обеих женщин очень светлые волосы и глаза (рис. 1). Они одеты в одинаковые черные платья с закрытым белым воротничком под горло, застегнутые на все пуговицы. На платьях можно разглядеть маленькие значки-свастики.

Рис. 1 / Fig. 1

Кроме того, речь идет об исключении гораздо большего числа групп, представительницы которых могли присутствовать и в среде немецких женщин с «правильной» расовой принадлежностью. Так, на визуальном уровне исключаются женщины старше определенного возраста (превалируют образы юных девушек, молодых матерей и домохозяек). Мы практически не видим на страницах журналов персонажей, чьи физические данные не соответствовали бы идеалу подтянутой женщины с узкой талией, широкими бедрами и плечами, округлой грудью.

Важно сказать и об исключении по классовому принципу. В этой области анализ журналов подтверждает слова Рупп об ориентации официальных дискуссий на женщин среднего и высшего среднего класса. Показательными в этом смысле становятся многочисленные статьи, описывающие необходимость женского волонтерства в самых разных областях хозяйства (статья «Радость волонтерства» из номера 2, дословно «Счастливы в добровольной работе», «Glücklich im freiwilligen Dienst»). Читательниц убеждают в положительных сторонах добровольной помощи другим по дому и с детьми, так же как и в статье «Помощь в сборе урожая молодежными группами в Вартеланде»[1] («Erntehilfe der Jugendgruppen im Wartheland») из но-

1 Вартеланд — рейхсгау, административный субъект в Третьем рейхе, образован на аннексированных территориях Западной Польши.

мера 3. Текст сопровождается фотографиями молодых крестьянок с детьми и их помощниц.

Описание быта рабочих и крестьянок резко контрастирует с разделом моды, где можно найти малоподходящие для полевых работ дорогостоящие костюмы (как в номере 9, где демонстрируются великолепные меха). В отдельных журналах раздел моды посвящен костюмам, которые можно надеть на работу[1], однако и они не кажутся практичными: мы видим светлые фартуки и изящные платья на женщинах с макияжем и идеальными прическами (рис. 2). Кажется, такой образ может подойти только для домашней работы или работы в конторе, но совсем не для труда в поле или на предприятии. При этом в журнале нельзя найти ни одного изображения женщины в брюках. В итоге на этом уровне анализа можно говорить об узких рамках идеала феминного, противопоставленного маскулинному и транслируемого через иконические образы журнала.

Рис. 2 / Fig. 2

Эстетика женского: единый арийский опыт в терминах феминного/маскулинного

Все проанализированные журналы объединяет идея, что война — часть повседневности или ее неотъемлемая изнанка. Всего стра-

1 См. номера 2 и 5 из подборки.

ница отделяет вечерние наряды, кулинарные рецепты и советы по уходу за детьми от новостных сводок с фронта и описаний военной техники[1], многочисленных изображений мужчин в военной форме и партийных лидеров[2]. Примечательна в этом смысле статья о выставке немецкого искусства в Мюнхене в пятом номере, проиллюстрированная репродукциями живописных, графических и скульптурных произведений, среди которых есть произведения лишь двух типов: батальные сцены/сцены солдатского быта и женская обнаженная натура.

Как же в одном журнале уживаются статьи «Вечный немецкий боец» («Der ewige deutsche Kämpfer» из номера 2) и советы по уходу за младенцами? В номере 5 за статьей «Мировая борьба без пощады» («Weltkampf ohne Gnade») следует текст, иллюстрированный изображением женщины и младенца, под заголовком «Благодаря матерям» («Dank der Mütter»). Номер 9 также насыщен аналогичными контрастами и причудливыми «отражениями». Он открывается изображением «древа» завоеванных земель, произрастающего из мемориала со свастикой, и надписью: «И мы все же победили» («Und ihr habt doch gesiegt», обложка), заканчивается номер материалом под заголовком «Кому нужно запасаться картошкой?» («Wer darf Kartoffeln einkellern?»).

Важно отметить, что нет ни одной страницы, где изображения солдат (в их военной повседневности) помещались бы рядом с изображениями женщин (в их приватной повседневности). Исключение составляют фотографии медсестер с ранеными, где солдаты запечатлены демобилизованными, вошедшими в «мир женщины» (в видении официальной доктрины) в качестве слабого, больного человека, которому требуются уход и забота.

Изображения взрослых и детей в NS-Frauen-Warte различаются сильнее, чем образы мужчин и женщин. Для последних типичен удлиненный силуэт (очевидно значительное искажение пропорций в графике). Плечи подчеркнуто широкие, талии узкие. Талии не акцентируются лишь в случае шинели и женского пальто, напоминающего солдатскую шинель (см., например, раздел моды в номере 2)[3].

Также схожа пластика мужчин и женщин: и те, и другие подтянуты, у них прямая осанка, выразительная жестикуляция. Их нельзя назвать излишне мускулистыми (см. рис. 2). И те, и другие в гра-

1 Например, см. номер 4.

2 См. номера 5,6.

3 Исследовательница нацистской моды Ирен Гюнтер пишет, что повседневный внешний вид немецких женщин часто тяготел к униформе, которую представительницы некоторых женских организаций вынуждены были носить достаточно часто [Гюнтер, 2009; Guenther, 2004].

фике и на фото как будто наслаждаются своими телами. Они подчиняют себе все, что их окружает как в переносном, так и в прямом смысле. Пример можно найти в статье «Животные-товарищи» («Kamerad Tier», номер 2), повествующей о послушных, дрессированных животных-помощниках солдат. На героев и героинь журналов читательница зачастую смотрит «снизу-вверх»: этот эффект обеспечивает заниженный горизонт. Художественный прием, когда позиция зрителя смещается к земле, а герой практически целиком предстает на фоне неба, типичен для европейского парадного портрета XVIII–XIX вв. Применяя его, создатели журнала ставят всех немцев и немок в один ряд с персонажами таких портретов — правителями и национальными героями (рис. 3 — фото из рекламного объявления в номере 8, ср. с рис. 4 с обложки номера 5).

Рис. 3 / Fig. 3

Наблюдая сходство между изображениями мужчин и женщин, можно обнаружить второй уровень смыслов. Прослеживается отчетливая параллель между образом атакующего солдата и привлекательной женщины в вечернем платье. В некоторой степени отчетливость этой параллели объясняет, почему изображение солдат не помещается непосредственно рядом (например, на одной странице) с изображением женщин: при таком размещении тождественность образов стала бы очевидна.

Рис. 4 / Fig. 4

При этом иконография мужских и женских образов различна. Солдат часто изображают верхом на коне (например, в статье о животных-помощниках), отсылая к образу рыцаря или парадному портрету. В образе рыцаря изображен Адольф Гитлер и на холсте Хуберта Ланцингера «Гитлер-знаменосец». Женщины напоминают, скорее, Мадонну с младенцем Иисусом в религиозной живописи. При этом мужчин и женщин объединяет схожий тип «половой невыраженности». Чтобы идентифицировать пол, нам приходится искать глазами либо подол платья, либо ребенка рядом с женщиной (если она не держит его на руках), иными словами, элементы иконографии.

Образ мужского и женского «героического тела» обнаруживает свою контрастность не только с телесностью ребенка, но и с изображениями «неарийских» женщин, например, с фотографией Александры Коллонтай, иллюстрирующей статью «Кто такая фрау Коллонтай?» («Wer ist Frau Kollontay?», номер 8). Коллонтай на этой фотографии смотрит исподлобья. В отличие от немецких женщин с аккуратными прическами у нее спутанные, сбившиеся в бесформенную массу волосы. Коллонтай в рубашке или пиджаке с высоким воротом, что делает линию плеч невыразительной, бесформенной (рис. 5). Все эти элементы резко отличают изображение Коллонтай от «героических» фигур немецких мужчин и женщин.

При этом, похоже, что фотография тщательно подбиралась: можно найти множество фотографий Коллонтай того же периода, на которых она, напротив, тщательно причесана, в совершенно другой одежде и держится иначе.

Wer ist Frau Kollontay?

Zu den prominentesten Vertretern des Bolschewismus im In- und Auslande gehört wohl seit schon mehr als zwei Jahrzehnten Frau Alexandra Kollontay, heute noch Sowjetgesandtin in Stockholm. Daß der Bolschewismus gerade diese Frau in einer solchen Art und Weise herausgestellt hat, charakterisiert die bolschewistische „Geisteshaltung" in einem allzu deutlichen Maße. Getreu seiner jüdisch-marxistischen Lehre, die die Menschen aufteilte in Proletarier und Bürger und die einen auftief zum Vernichtungskampf gegen die anderen, hat der Bolschewismus auch die Frau nur zur Errichtung dieses einen Zieles aufgerufen; Haß und Klassenkampf war die Grundlage dieser Lehre des Juden Marx, und zum Kampf der „Proletarier aller Länder" brauchte man die Frauen, allerdings nur als Masse, als Proletarier. Eine Aufgabenstellung für die Frau gab es weder in der Theorie des Marxismus noch in der 25jährigen Praxis des Bolschewismus. Der Bolschewismus sah in der Frau nur den „Klassenkämpfer", und er wertete sie nur als eine „Arbeitskraft". „Wir kennen keine Männer und Frauen mehr, sondern nur noch Arbeiter", unter dieser Parole waren die Frauen der Sowjetunion 25 Jahre lang gezwungen, ihr Elendsdasein zu führen.

Und was sind es nun für Frauen gewesen, die der Kommunismus herausgestellt hat? Es sind ihrer wenige, und wenn wir im internationalen Leben einer „führenden Kommunistin" begegneten, dann war sie selten noch „Frau", um so fanatischer aber „Kommunist". Wer erinnert sich nicht noch an die Haßgesänge der Jüdin Nelken oder der Passionaria im spanischen Bürgerkrieg; allzu gut ist noch die „politische Arbeit" der Jüdin Rosa Luxenburg in Berlin bekannt. So sieht das Gesicht der „führenden Frauen" des Kommunismus aus, deren typische Vertreterin heute noch in Stockholm sitzt und von dort aus ihre Verbindungen nach England und Amerika pflegt. Vielleicht erleben wir es nur allzubald, daß Frau Kollontay in London der Queen ihre Vorschläge für eine erfolgreiche Zusammenarbeit der englischen Ladies mit den bolschewistischen Flintenweibern macht. Vielleicht sehen wir bald die sowjetische

Alexandra Kollontay, Sowjetgesandtin in Stockholm

1918 gedacht hat, in dem sie die Kasernierung aller Frauen forderte. Oder vielleicht will das amerikanische Volk neue Ausführungen über Frau Kollontays Auffassung von Familie und Ehe hören, der sie einst in folgenden Worten Ausdruck gab: „Wir machen grundsätzlich keinen Unterschied zwischen einer Prostituierten und einer gesetzlich verheirateten Frau, sobald sich diese von ihrem Mann ernähren läßt. Es ist für die Republik der Arbeiter völlig gleichgültig, ob die

Рис. 5 / Fig. 5

Параллель между образом мужчины и женщины в журнале соотносится с метафорой, озвученной в одной из речей Гитлера. В ней вождь сравнивает деторождение со сражением, а женский долг описывает в терминологии военного дела [Hitler, 1934]. Сражение (реальное или метафорическое) при этом оказывается единственной сферой, где способно реализоваться «героическое тело», культивируемое в официальной доктрине Третьего рейха [Гройс, 2012], и в таком рассмотрении становится (неожиданно) неважно, женское это тело или мужское[1].

Заключение

Немецкоязычные исследователи, в центре внимания которых представления о феминном и маскулинном в нацистском искусстве, медиа и описаниях самих очевидцев событий, еще в 1980-е годы выдвинули идею, согласно которой маскулинные идентичности немецких солдат конструировались в отношениях с неким воображаемым «феминным» [Hausen, 1992]. Ряд авторов изучали, как

1 Нужно оговорить важный момент: изображение крестьян и крестьянок выпадает из обозначенной системы. Эти образы стоят особняком в журнале, вопрос о них — тема для отдельного исследования.

немецкие солдаты легитимировали собственные преступления посредством идеи защиты некого гармонического «феминного» дома [Koonz, 2008, p. 69–72].

Сложно представить, что испытали бы эти солдаты, если бы они попробовали проанализировать женские журналы, которые читают их жены, сестры и матери. Подойдя к материалу критически, они бы увидели, что «эстетика женского» имеет множество общих черт с образностью милитаризированного военного мира, тяготы которого они вынуждены терпеть ради мечты о возвращении домой. Фактически репрезентация повседневного в этих журналах оказывается отражением репрезентации войны, которое пытается спрятать свою схожесть с оригиналом подчеркнуто отличной иконографией.

Итак, в проанализированных журналах на визуальном уровне формулируется идея единого «арийского» телесного опыта, связанного с военным бытом. При этом выявить отдельную, обособленную от милитаристской эстетики феминную образность представляется сложным. В этом мои наблюдения дополняют более ранние исследования национал-социалистических медиа и визуального искусства. Примечательно, что, например, в работах Ули Линке [Linke, 2002, p. 156, 179–187] фиксируется не только вытеснение феминных черт в идеале немецкого гражданина, но и их концентрация в фигурах «врагов», например евреев.

Каковы истоки такого андроцентризма нацистской образности, то есть исключения феминного из области репрезентации? Черта ли это всех милитаризированных обществ? Какое значение тут сыграла концепция мужского братства, важная для ранних этапов существования национал-социалистической партии?[1] Эти вопросы лежат за пределами статьи, однако они крайне актуальны для дальнейших исследований.

Библиография

Источники

NS-Frauen-Warte (1941) № 1–10 (http://www.ub.uni-heidelberg.de/helios/digi/nsfrauenwarte.html)

Данные со страницы электронного архива *Calvin College:* http://research.calvin.edu/ german-propaganda-archive/fw.htm.

1 Моника Блэк в монографии «Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии» прослеживает, как эти элементы эстетики мужского братства впоследствии становятся частью ритуала погребения в Третьем рейхе [Блэк, 2015].

Розенберг А. (1998) *Миф XX века: оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени*, Tallinn: Syildex.

Hitler A. (1934) *Rede an die deutschen Frauen am 8 September 1934 in Nürnberg*, Berlin: Schadensverhütung.

Goebbels J. (1934) *Deutsches Frauentum. Signale der neuen Zeit. 25 ausgewählte Reden*, Munich: Zentralverlag der NSDAP: 118–126.

Goebbels J. (1939) Mehr Moral, aber weniger Moralin! Wetterleuchten, Munich: Zentralverlag der NSDAP: 382–385.

Литература

Анкерсмит Ф. (2014) *Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности*, М.: ИД ВШЭ.

Барт Р. (2000) *Мифологии*, М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Блэк М. (2015) *Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии*, М.: Новое литературное обозрение.

Бок г. (2004) Женщины и фашизм. Нацистская гендерная политика и женская история. *Гендерные исследования*, (12): 31–53.

Гройс Б. (2012) *Тело героя: теория искусства Адольфа Гитлера. Политика поэтики*, М.: Ад Маргинем Пресс.

Гюнтер И. (2009) Нацистский «шик»? Политика Германии и женская мода в 1915–1945 годах. Теория моды. Одежда. Тело. Культура, (11). (http://polit.ru/article/2009/07/10/gunter/)

Дашкова Т. (1999) Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов. *Логос*, (21): 131–155.

Ермаков А. (2001) Женская «трудовая повинность» в нацистской Германии (1933–1939 годы). И.Р. Чикалова (ред.). *Женщины в истории: возможность быть увиденными, (1)*, Мн.: БГПУ (http://www.ipages.ru/index.php?ref_item_id=28525&ref_dl=1)

Ермаков А. (2002) Женская «Служба труда» в Германии в годы Второй мировой войны. И.Р. Чикалова (ред.). *Женщины в истории: возможность быть увиденными, (2)*, Мн.: БГПУ: 198–216.

Инишев И. (2012) «Иконический поворот» в теориях культуры и общества. *Логос*, (85): 184–211.

Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. (2002) *Нацистский миф*, СПб.: Владимир Даль.

Пищева Т. (2011) Политические образы: проблема исследования и интерпретации. Полис. *Политологические исследования*, (2): 47–52.

Рансьер Ж. (2005) Этический поворот в эстетике и политике. Критическая масса, (2). (http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ra8.html)

Bock G. (2010) *Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik*, Münster: Verlag Monsenstein und Vannedat.

Brown W. (1987) Where is the Sex in Political Theory? *Women and Politics*, (7): 3–23.

Fisher C. (1996) *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany,* Berghahn Books.

Flavell M. (1985) Kitsch and Propaganda: The Blending of Myth and History in Hedwig Courths-Mahler's "Lissa geht ins Glück" (1936). *German Studies Review*, 8 (1): 65–87.

Geyer M., Fitzpatrick Sh. (2008) *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared,* Cambridge University Press.

Grau G. (1995) *Hidden Holocaust? Gay and Lesbian Persecution in Germany 1933–1945,* Chicago: Fitzroy Dearborn.

Guenther I. (2004) *Nazi "Chic": Fashioning Women in the Third Reich,* Oxford, NY: Berg.

Hanisch C. (1969) The Personal is Political (http://carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html)

Hausen K. (1992) Frauenräume. K. Hausen, H. Wunder (eds) *Frauengeschichte-Geschlectergeschichte*, Frankfurt am Main; New York: Campus verlag: 21–24.

Koonz C. (2010) A Tributary and a Mainstream: Gender, Public Memory and the Historiography of Nazi Germany. J. Lim, K. Petrone (eds) *Gender Politics and Mass Dictatorship: Global Perspective,* Palgrave Macmillan: 63-82.

Linke U. (2002) The Violence of Difference: Anti-Semitism and Mysogyny. M. Funck, G. Eghigian, P. Matthew (eds) *Sacrifice and National Belonging in Twentieth-Century Germany,* Texas A&M University Press: 148–195.

Rupp L. (1977) Mother of the "Volk": The Image of Women in Nazi Ideology. *Signs*, 3 (2): 362–379.

Rupp L. (1979) Women, Class, and Mobilization in Nazi Germany. *Science and Society*, (43): 51–69.

Stephenson J. (2001) *Women in Nazi Germany,* London; New York: Longman.

References

Sources

NS-Frauen-Warte. (1941) № 1–10 (http://www.ub.uni-heidelberg.de/helios/digi/nsfrauenwarte.html)

Data from the Calvin College electronic archive (http://research.calvin.edu/ german-propaganda-archive/fw.htm)

Rosenberg A. (1998) *Mif XX veka: otsenka dukhovno-intellektual'noĭ bor'by figur nashego vremeni*. [The Myth of the Twentieth Century: Evaluation of the Spiritual and Intellectual Struggle of the Heroes of Our Time], Tallinn: Syildex.

Hitler A. (1934) *Rede an die deutschen Frauen am 8 September 1934 in Nürnberg*, Berlin: Schadensverhütung.

Goebbels J. (1934) *Deutsches Frauentum.* Signale der neuen Zeit. 25 ausgewählte Reden, Munich: Zentralverlag der NSDAP: 118–126.

Goebbels J. (1939) *Mehr Moral, aber weniger Moralin!* Wetterleuchten, Munich: Zentralverlag der NSDAP: 382–385.

Literature

Ankersmit F. (2014) *Esteticheskaia politika. Politicheskaia filosofiia po tu storonu fakta i tsennosti. [Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value],* Moscow: Higher School of Economics.

Barthes R. (2000) *Mifologii. [Mythologies],* Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.

Black M. (2015) *Smert' v Berline: ot Veimarskoi respubliki do razdelennoi Germanii*. [Death in Berlin: From Weimar to Divided Germany], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Bock G. (2004) Zhenshchiny i fashizm. Natsistskaia gendernaia politika i zhenskaia istoriia. [Women and fascism. Nazi gender policy and women's history], *Gendernye issledovaniia*, (12): 31–53.

Bock G. (2010) *Zwangssterilisation im Nationalsozialismus: Studien zur Rassenpolitik und Frauenpolitik*, Münster: Verlag Monsenstein und Vannedat.

Brown W. (1987) Where is the Sex in Political Theory? *Women and Politics*, (7): 3–23.

Dashkova T. (1999) Vizual'naia reprezentatsiia zhenskogo tela v sovetskoĭ massovoĭ kul'ture 30-kh godov. [Visual representations of the female body in the Soviet mass culture of the 1930s], *Logos*, (21): 131–155.

Ermakov A. (2001) Zhenskaia "trudovaia povinnost'" v natsistskoi Germanii (1933–1939 gody). [Women's "labor service" in Nazi Germany (1933–1939)]. I.R. Chikalova (ed.) *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi. [Women in history: a chance to become visible], (1),* Minsk: BGPU: (http://www.ipages.ru/index.php?ref_item_id=28525&ref_dl=1)

Ermakov A. (2002) Zhenskaia "Sluzhba truda" v Germanii v gody Vtoroi mirovoi voiny. [Female "Labor Service" in Germany during the Second World War], I.R. Chikalova (ed.) *Zhenshchiny v istorii: vozmozhnost' byt' uvidennymi. [Women in history: a chance to become visible],* (2), Minsk: BGPU: 198–216.

Fisher C. (1996) *The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany,* Berghahn Books.

Flavell M. (1985) Kitsch and Propaganda: The Blending of Myth and History in Hedwig Courths-Mahler's "Lissa geht ins Glück" (1936). *German Studies Review,* 8 (1): 65–87.

Geyer M., Fitzpatrick Sh. (2008) *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared,* Cambridge University Press.

Grau G. (1995) *Hidden Holocaust? Gay and Lesbian Persecution in Germany 1933–1945,* Chicago: Fitzroy Dearborn.

Groys B. (2012) Telo geroia: teoriia iskusstva Adol'fa Gitlera [The Hero's Body: Adolf Hitler's Art Theory]. *Politika poetiki,* Moscow: Ad Marginem Press.

Guenther I. (2004) *Nazi "Chic": Fashioning Women in the Third Reich,* Oxford, NY: Berg.

Guenther I. (2009) Natsistskiĭ "shik"? Politika Germanii i zhenskaia moda v 1915–1945 godakh. [Nazi "Chic"? German Politics and Womens Fashions, 1915–1945], *Teoriia mody. Odezhda. Telo. Kul'tura*, (11) (http://polit.ru/article/2009/07/10/gunter/)

Hanisch C. (1969) *The Personal is Political* (http://carolhanisch.org/CHwritings/PIP.html)

Hausen K. (1992) Frauenräume. K. Hausen, H. Wunder (eds) *Frauengeschichte-Geschlectergeschichte*, Frankfurt am Main; New York: Campus verlag: 21–24.

Inishev I. (2012) "Ikonicheskiĭ povorot" v teoriiakh kul'tury i obshchestva. [«Iconic Turn» in the theories of culture and society], *Logos*, (85): 184–211.

Koonz C. (2010) A Tributary and a Mainstream: Gender, Public Memory and the Historiography of Nazi Germany. J. Lim, K. Petrone (eds) *Gender Politics and Mass Dictatorship: Global Perspetive,* Palgrave Macmillan: 63–82.

Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. (2002) *Natsistskiĭ mif. [The Nazi Myth],* St. Petersburg: Vladimir Dal'.

Linke U. (2002) The Violence of Difference: Anti-Semitism and Mysogyny. M. Funck, G. Eghigian, P. Matthew (eds). *Sacrifice and National Belonging in Twentieth-Century Germany,* Texas A&M University Press: 148–195.

Pishcheva T. (2011) Politicheskie obrazy: problema issledovaniia i interpretatsii. [Political images: the problem of research and interpretation], *Polis. Politologicheskie issledovaniia,* (2): 47–52.

Ranciere J. (2005) Eticheskiĭ povorot v estetike i politike. [Ethical turn in aesthetics and politics]. *Kriticheskaia massa,* (2) (http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ra8.html)

Rupp L. (1977) Mother of the "Volk": The Image of Women in Nazi Ideology. *Signs,* 3 (2): 362–379.

Rupp L. (1979) Women, Class, and Mobilization in Nazi Germany. *Science and Society,* (43): 51–69.

Stephenson J. (2001) *Women in Nazi Germany,* London; New York: Longman.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Россман Э.Ю. (2018) Женщины и женское в эстетике Третьего рейха: анализ подборки журналов NS-Frauen-Warte за 1941 год. *Социология власти*, 30 (1): 125-143.

Rossman E.Yu. (2018) Women and The Feminine in Third Reich Aesthetics: Analysis of NS-Frauen-Warte Magazines Selection for 1941. *Sociology of Power*, 30 (1): 125-143.

Поступила в редакцию: 30.11.2017; принята в печать: 19.03.2018